

ние два-три десятка лет было избыточным»¹. Это темы раскулачивания, репрессий и коллективизации – и, соответственно, деревни, разрушаемой и создаваемой в новом колхозном варианте, а также лагеря как формы жизни, и не только социальной действительности, но и духовной, ментальной.

Выводы.

Таким образом, мы можем говорить о том, что литературная премия как феномен социально-политической, культурной и литературной жизни дает возможность, как минимум, анализировать динамику интереса и даже содержание интереса к литературе во времени; изучать современные литера-

турные тренды в том числе, связанные с читательским голосованием и выбором; фиксировать нюансы приоритизации признания в области литературы.

Литература

1. Литературные премии России: путеводитель. – М., 2008.
2. Литературные премии России / сост. М. Е. Бабичева. – М., 2009. – URL: <http://www.rsl.ru/ru/s3/s331/s122/s1223629/s12236293630/>
3. Скорондаева, А. Девять книг одного года / А. Скорондаева. – URL: <http://www.rg.ru/2015/05/19/kniga-poln.html>

УДК 82-31 (17.82.31)

Т. Н. Воронина

Вологодский государственный университет

ИСТОЧНИКИ И СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОБРАЗА ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. В. ЕВДОКИМОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «МЕТЕЛЬ»)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»)*

В статье сопоставлены текст рассказа И. В. Евдокимова «Метель» с монографией «Север в истории русского искусства» и очерком «Куркино» того же автора. В результате делается вывод о прототипах дворянской усадьбы из рассказа: имениях Вологодского края Покровском, Погорелове, Куркино. Последовательный анализ составляющих облика усадьбы (детали интерьера и экстерьера, обитатели) в соотношении с образной структурой произведения в целом выводит на идею текста и позволяет выявить авторскую позицию.

Региональный текст, И. В. Евдокимов, дворянская усадьба, Вологодский край.

The article compares the story “The Blizzard” by I. V. Evdokimov with the monography “The North In The History of Russian Art” and the essay “Kurkino” written by the same author. As a result, the author made a conclusion about the prototypes of the noble estate from the story: the estates of Vologda Governorate, Pokrovskoe, Pogorelovo, Kurkino. The consistent analysis of the features of the estate image (details of the interior and exterior, the inhabitants) in the proportion with the image structure of the story reveals the idea of the text and allows understanding the author’s position.

Local text, I. V. Yevdokimov, noble estate, Vologda region.

Введение.¹

И. В. Евдокимов (1887–1941) – практически забытый сегодня литератор. Между тем, во второй половине 1920-х гг. по популярности у читателей он стоял в одном ряду с такими авторами, как М. Горький, И. Бабель, Л. Леонов, М. Зощенко, а его роман «Колокола» (1926) до войны выдержал девять изданий. Судьба Евдокимова тесно связана с Вологодским краем, где он жил с 1895 по 1922 гг. Детство будущий писатель провел на берегу Кубенского озера, затем семья переехала в Вологду. Евдокимов долго и трудно искал свой путь, перепробовал множество профессий, учился в Петербургском университете (1911–1915), который не закончил из-за нехватки средств, вынужден был вернуться домой. В годы ре-

волюции он трудился табельщиком на железной дороге Вологда – Няндомы, а с 1918 г. заведовал библиотекой молодого Вологодского молочно-хозяйственного института, много занимался просветительской и общественной работой. Вместе с рано проснувшейся тягой к писательскому труду Евдокимов проявлял пристальный интерес к искусству Русского Севера, был активным членом Вологодского общества изучения Северного края, Северного кружка любителей изящных искусств, работал в архивах, много ездил по губернии, изучал памятники гражданского и церковного зодчества. Искусствовед-любитель яростно отстаивал идею национальной самобытности русского художественного творчества, необходимости его бережного сохранения для потомков. Итогом его десятилетних разысканий в этой области стали многочисленные публикации по исто-

¹ <http://www.rg.ru/2015/05/25/basinsky.html>

рии искусства Русского Севера, пожалуй, самой значительной из которых является монография «Север в истории русского искусства» (1921).

Горячий сторонник революции, Евдокимов в то же время остро переживал разрушение памятников старины, отстаивал их художественную ценность и важность спасения для новой России. В неопубликованном очерке «Куркино», посвященном помещицкой усадьбе Спасское-Куркино, он писал: «Образы прошлого и настоящего перемеживаются¹: безвозвратно сгинуло тягчайшее рабовладение, но не должно уйти искусство старого быта, оно должно быть сохранено для будущих, надо думать, культурных счастливых поколений» [2]. Стремясь запечатлеть «уходящую натуру» хотя бы в слове, Евдокимов работал над книгой «Вологодские усадьбы», но труд остался незавершенным.

Представляется интересным сопоставить искусствоведческую и писательскую грани творчества Евдокимова. Цель настоящей статьи – на примере одного рассказа выявить вологодские источники образа дворянской усадьбы и пронаблюдать их трансформацию в соответствии с авторским замыслом.

Основная часть.

Раздумья о судьбе барского имения нашли художественное воплощение в рассказе 1924 г. «Метель». В основе сюжета – типичная ситуация послереволюционных лет: председатель волостного исполкома приезжает в поместье изгонять прежних владельцев и конфисковывать имущество для нужд новой власти. Заглавие произведения отсылает к давней традиции русской литературы, согласно которой, как отмечает С. Ю. Баранов, метель «обозначает не только социальный катаклизм, но и утрату ценностных ориентиров» [1, с. 522]. Образ-символ метели, заявленный только в названии, укрупняет эскиз сцены из провинциальной жизни и, как у А. С. Пушкина, А. А. Блока, Б. Л. Пастернака, метафорически обозначает глобальное нарушение привычного порядка. С неотвратимостью природной стихии приходит на сонную дворянскую землю новое время с иными установлениями и хозяевами, и с его наступлением отменяется жизнь прежняя со всем плохим и хорошим, что в ней было, выравнивается площадка для другого мира. Метель символизирует потерю пути, хаос, смешение всего и вся, а это неотъемлемые спутники эпохи перемен и предвестники невозможных утрат.

В рассказе предстает собирательный образ типичной помещицкой усадьбы: «господский большой дом в колоннах, флажок на красных воротах со львами», «ружная» церковь, покрытая «ротондой, как юбкой на китовых усах, и парк, закутавший, будто мехами, родную вотчину» [1, с. 289]. Конкретные источники данного образа можно выявить, обратившись к искусствоведческим работам Евдокимова. Само название усадьбы – Покровское – отсылает к вологодской топографии: поместье с таким именем расположено недалеко от Вологды в бывшем

Грязовецком уезде. Это не случайное совпадение. В предыстории к основному повествованию писатель использует семейное предание рода Брянчаниновых, владельцев Покровского. Данную легенду он приводит в книге «Север в истории русского искусства»: «А. С. Брянчанинов, устраивавший усадьбу, уезжая во время отечественной войны в 1812 году в действующую армию, прощаясь с усадьбой, горестно восклицал: "Отрада моя, кому-то ты достанешься"» [3, с. 66], причем совпадение с текстом рассказа практически дословное. В той же монографии есть краткие описания барских домов близ Вологды с колоннами и каменными воротами, упоминается помещик Зубов, устроитель усадьбы «Погорелово» [3, с. 67], фамилию которого автор дал владельцам имения в «Метели».

Но главным источником образа дворянского имения в рассказе является поместье Спасское-Куркино, подробно описанное Евдокимовым в одноименном очерке. Сравним описание барского дома в Куркино с приведенной выше цитатой из рассказа: «Березовая аллея подходит к каменным воротам с высоким флажтком Николаевских времен. Ворота красные с красной крышей, солидные, крепкие о трех пролетах». «От главных въездных ворот с флажтком, направо сразу будут каменные высокие рустованные ворота в форме двух пилонов с остатками на них львов, другие такие же ворота по прямой линии находятся в двадцати саженьях. Лет 30–40 тому назад «львы на воротах» были целы – и тогда двойня гостеприимных ворот северного фасада делали эту часть дома очень интересной» [2]. Те же красные ворота с флажтком, пилоны со львами, но разрушение последних в «Метели» связано с приходом новой власти: «Через сто шесть лет львам отбили головы и туловища: на одном пилоне осталась львиная лапа, на другом – хвост, а на флажок воздвигли красный флаг. Досталось Покровское волостному исполкому» [1, с. 289].

В очерке описаны и господская церковь с ротондой, и обширный парк с прудами, аллеями и тенистыми деревьями, упоминается и увлечение последнего владельца усадьбы разведением французских груш и персиков. Французская груша, которую выращивал помещик Зубов, играет в рассказе особую роль: именно о ней больше всего печется выдворяемый из своего имения хозяин: «Только груши ему и было жалко. Словно кто-то шептал ему сначала нежным голосом, а потом переходящим в клокоющую злость: "Такое нежное и тонкое дерево!.. Гордился им на весь уезд... Не уберегут, варвары! Сломают, заморозят!"» [1, с. 295]. Нежное оранжерейное растение – метафорическое воплощение хрупкой красоты провинциальной дворянской усадьбы – требует деликатного обращения, невозможного без специальных знаний. Вряд ли окажется способной к этому новая власть: ее представитель, неграмотный председатель, «беря на глаз» помещицкое имущество, бессмысленно пересчитывает плоды на груше, дивится на необычное дерево.

Не может председатель оценить и художественные достоинства внутреннего убранства барского

¹ Здесь и далее сохраняется авторское написание.

дома. Хозяйским взглядом обозревая обстановку, он в мраморной скульптуре Венеры Медицейской видит лишь голую бабу, «срамницу», а в огромном диване-самсоне – добротную удобную мебель. Общий вывод после осмотра следующий: «*Помещение подходящее. Ка-а-к раз нам канцелярия*» [1, с. 292]. Автор с горечью дает понять, что новая власть в лице невежественных и часто недалеких людей, хоть и одержима идеей восстановления социальной справедливости, не в состоянии грамотно распорядиться доставшимся ей наследием материальной и духовной культуры старой России, она способна лишь к утилизации прошлого: превратить памятник архитектуры в сельскую канцелярию, а столетний парк распахать под озимые. В свете судьбы дворянской усадьбы далеко не так жизнеутверждающе выглядит пророческий сон председателя в финале рассказа: «*Снились ему огромные покровские поля, ходили по ним, потыкивая, машины, взрывали, как в полую воду реки, разбухшую землю – и выростала из-под колес густой мохнатой зеленью озимь*» [1, с. 295]. Детали интерьера дома Зубовых взяты Евдокимовым из реальной обстановки усадьбы Куркино. В одноименном очерке упоминается многое, что впоследствии перекочевало в рассказ: диван-самсон, трюмо-жакоб, огромное зеркало, «подставки красного дерева с бронзовыми энкалюрами» [2]. Первое, что сделал председатель, войдя в дом, – бросил свою шубу на покрытый белой скатертью обеденный стол и тем самым символически обозначил переход собственности и власти, как бы погасил еще теплящийся домашний очаг имения. Эта выразительная деталь указывает не только на конец старой жизни, но и многое говорит о степени почтения к многовековому пласту дворянской культуры. В рассказе представлен начальный эпизод перемены участи усадьбы, отдельные штрихи (разрушенные львы на воротах, брошенная на обеденный стол шуба, французская груша в оранжерее) создают у читателя трагическое предчувствие относительно ее будущего. В очерке о Куркино судьба реального поместья вполне определена, автор с горестным чувством описывает уже запущенное и разоренное гнездо: «В настоящее время весь дом очень загрязнен, кое-где в хаотическом беспорядке стоит мебель, кое-где не соответствует надписи углем и карандашом на стенах, все сдвинуто, передвинуто, ансамбль погублен навсегда. Весь второй этаж заселен канцелярскими служащими треста» [2]. Когда Евдокимов создавал «Метель», рачительность власти рабочих и крестьян по отношению к дворянскому наследию была ему уже хорошо известна. Едва намеченная в «Метели» участь Покровского (как и множества подобных реальных ансамблей) придает грандиозным планам председателя трагический оттенок звучания: долгожданная гибель старого мира и торжество социальной справедливости оборачиваются банальным разрушением прекрасного художественного наследия прошлого.

Антитеза старого (усадьба и ее обитатели) и нового (новая власть) представлена в рассказе системой персонажей. Хозяин поместья, последний из рода Зубовых, обрисован без малейшего сочувствия

как ничтожная и невыразительная личность: «*маленький и лысенький человек*» с маленькими же кулачками, от бессильной злобы «*багровый, словно клюквенный кисель*», визжащий тоненьким голоском и от безысходности катающийся «*гремящим бильярдным шаром по кабинету*» [1, с. 2889, 290, 295]. Незначительность героя создается путем повторяющихся умалений: невысокий рост, уменьшительные формы характеризующих его определений. Зубов – не создатель усадьбы, имение было устроено его предками, в том числе упомянутым в начале рассказа участником Отечественной войны 1812 года. Дворянское поместье и его последний обладатель напоминают жемчужину с мертвым ядром: сочетание внешней красоты и ничтожности наполнения. Если в рассказе антитеза формы и содержания выражена художественными средствами, то в очерке Евдокимов ту же мысль высказывает прямо. Детально и с большой любовью описывая саму усадьбу, он останавливается и на ее владельцах: «Род Резановых-Андреевых за полуторастолетнюю давность ничем не выдавался из общего уровня, представителя его тихо и скромно сменяли один другого, ни одной яркой личности за исключением, по-видимому, строителя усадьбы прадеда Федора Дмитриевича Резанова. В этом также немалая типичность: такова судьба большинства дворянских родов, только в своей массе создавших особый пласт культуры» [2].

Зубову противопоставлен председатель волостного исполкома, через их взаимоотношения реализуются оппозиции «старое – новое», «сила – слабость», «большое – маленькое». Расстановка сил предельно ясно обозначена представителем новой власти: «*Над вашим верхом наш верх. Приказано безо всего вытупить. В три шеи. А насупротив ежели, один грех. На сеновал али в речку – камень на шею. Не кыркнешь! Барам ноне грош цена. Никто за них не ответчик*» [1, с. 292]. Персонажи изображены по принципу контраста: «*маленький человек*» Зубов – «*большое тело*» председателя, Зубов «*семенит ножками*» – председатель «*пошел с осмотром*». Особенно демонстративна их разность в архитектурном сравнении: «*Точно высокая колокольня, стоял председатель. И точно маленькая пристройка, церковная сторожка, просвирина изба, казался рядом с ним Зубов*» [1, с. 290]. Предволисполкома олицетворяет мощную народную стихию и рядом со своим оппонентом буквально показан титаном, словно сошедшим с картины Б. М. Кустодиева «Большевик». Эта ассоциация усиливается, когда жена помещика, отвечая на вопрос маленькой дочки о «*занятом дяде*», называет его великаном. Обобщенность образа персонажа подчеркивается характерным приемом типизации – отсутствием у героя личного имени. Великан в поместье – как слон в посудной лавке, он есть воплощение не только классовой справедливости, но и грубой невежественной силы, неспособной грамотно распорядиться захваченным наследством. О будущем «порядке» вверенного новым хозяевам имущества красноречиво говорит кучка «*засаленных, как передник у кухарки, бумаг*» [1, с. 293] учета экспроприированной по волости барской собственности,

эти документы председатель в силу неграмотности не может даже прочитать. Несколько штрихов детализируют обобщенный портрет пришедшей власти: *«Председатель прибыл в Покровское на расписных санках буржуа Тетерникова, кстати, и в его шубе», «старательно и долго обряжал председатель свою лошадь, задавая ей вволю зубовский овес»* [1, с. 289, 294]. Новый руководитель не чужд стяжательства и по-хозяйски распоряжается отобранным добром. Не случайно дочка Зубовых испуганно спрашивает: *«Мамочка, а он не людоед? Он папу не скушает?»* [1, с. 295]. Так великан-богатырь, народный герой наступающей эпохи к финалу рассказа обретает ипостась великана-людоеда, безжалостного и бездумно узуризатора дворянского наследства.

Еще один знаковый персонаж рассказа – столетняя бабушка, обитательница поместья. Она не в состоянии понять происходящие вокруг перемены, что ей не суждено умереть в родовом доме. Героиня лишь смутно чувствует неотвратимость катастрофы: *«Ей было ка-то так тепло в кровати, как никогда не бывало раньше, словно тепло истекало из родных стен, пола, потолков. Старухе не верилось, что это насиженное тепло кто-то может отнять у нее, и она настойчиво перебирала в уме всех своих важных и влиятельных знакомых»* [1, с. 295]. Древняя бабушка есть персонификация усадьбы и всего старого дворянского мира с его вековым укладом. Этот мир смотрит на новую власть *«приговоренными глазами»* беспомощной столетней старухи. Если помещик Зубов и его жена не вызывают сочувствия, то раздумья о дальнейшей судьбе бабушки и малолетней дочки Зубовых Люси (старец и ребенок – прошлое и буду-

щее) вносят в повествование отчетливые трагические ноты.

Выводы.

Подводя итог анализу источников и составляющих образа дворянской усадьбы в рассказе И. В. Евдокимова «Метель», можно привести цитату из очерка того же автора «Куркино», которая, на наш взгляд, во многом созвучна идее произведения: *«Старый быт навсегда пережит. В наше время Куркино потеряло прежний замкнутый характер, в нем теплится другая жизнь, и пусть – но памятники архитектуры должны остаться неприкосновенными, ибо они представляют самовладеющую художественную ценность, единственным владельцем их является русское искусство»* [2]. Думается, главным персонажем рассказа является сама усадьба, которая метафорически отождествляется одновременно со столетней старухой и нежной оранжерейной французской грушей. Дворянское гнездо становится невинной и беззащитной жертвой в борьбе за новую жизнь.

Литература

1. Дорога к дому: проза писателей Вологодского края / сост. С. Ю. Баранов. – Вологда, 2008.
2. Евдокимов, И. В. Куркино / И. В. Евдокимов. – Б. м.: Б. и., б/г. – URL: <http://www.booksite.ru> (дата обращения 13.01.15).
3. Евдокимов, И. В. Север в истории русского искусства / И. В. Евдокимов. – Вологда, 1921.

УДК 821.161.1

Л. В. Гурленова, В. А. Старцева
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

ОТРАЖЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ А. ВАМПИЛОВА В ЕГО «ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ»

В статье рассматривается история публикаций «Записных книжек» А. Вампилова, анализируются их темы и образы, особенности языка, оценки других писателей, в том числе предшественников, понимание А. Вампиловым места и роли писателя в обществе, его отношение к критике своих произведений, размышления о современной культуре. Проведенный анализ текстов позволяет выявить специфику творческой индивидуальности А. Вампилова.

А. Вампилов, записные книжки, творческая индивидуальность.

The paper considers the history of publication of "Notebooks" by A. Vampilov, analyzes the themes and images, features of language, assessment of other writers, including predecessors, A. Vampilov's understanding of the role and place of the writer in society, his attitude to criticism of their works, reflections on contemporary culture. The analysis of texts allows identifying the individuality of A. Vampilov.

A. Vampilov, notebooks, creative individuality.

Введение.

«Записные книжки» А. Вампилова относятся к той части его творческого наследия, которая изучена меньше всего. Однако их анализ показывает, что они

содержат богатую информацию о творческой индивидуальности писателя, так как в них отражены его размышления о важнейших вопросах литературы, театра, шире – искусства, эмоциональные отклики на